

SERIES MINOR

А. А. БУЛЫЧЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАМПАНИИ
XVII века

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1620-х ГОДОВ
О ЗАПРЕТЕ СВОБОДНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЛИТОВСКИХ, ПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ КНИГ
В РОССИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Андрей Алексеевич Бульчев

История одной политической кампании XVII в.

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180694

История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России:

Языки славянской культуры; Москва; 2004

ISBN 5-9551-0014-8

Аннотация

Книга посвящена изучению кампании по законодательному запрещению свободного распространения «литовских» изданий и рукописей в России во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XVII в. В результате исследования указов царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, санкционировавших сначала запрет на ввоз и торговлю украинскими и белорусскими книгами на территории Московии, а затем и их тотальную конфискацию в приграничных с Речью Посполитой уездах, можно говорить о политических, а отнюдь не о вероохранительных целях этой тщательно спланированной акции. Жесткие и весьма оперативные меры российского правительства хронологически совпали с наиболее серьезной попыткой учреждения автономного униатско-православного патриархата в

Литве в 1620-х гг. Негативная реакция царя и патриарха на угрозу основания в Речи Посполитой церковного престола, по своему статусу равного московскому, была предопределена не только ожиданиями радикального изменения геополитической ситуации в регионе, но и заочным соперничеством Филарета со своим предшественником Игнатием Греком, эмигрировавшим из России осенью 1611 г. Полная неосведомленность патриарха Филарета о реальном положении и судьбе Игнатия в Великом княжестве Литовском превращала его фигуру в грозный политический «призрак», беспокоивший отца Михаила Федоровича до последнего дня жизни. Предназначается как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей Отечества.

Содержание

Введение	6
1. Законодательные акты конца 20-х – начала 30-х гг. XVII в	10
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Андрей Алексеевич
Булычев
История одной
политической
кампании XVII века:
Законодательные акты
второй половины 1620-х
годов о запрете свободного
распространения
«литовских» печатных и
рукописных книг в России**

*Светлой памяти моего учителя профессора
Александра Лазаревича Станиславского*

Введение

Выдающаяся роль украинской и белорусской книжности XVI–XVII столетии в процессе «европеизации» отечественной духовной жизни и в насаждении на российской почве ростков секуляризированной западноевропейской культуры общеизвестна.¹ Во второй половине 1620-х гг. московские светские и церковные власти развернули хорошо организованную кампанию по законодательному запрету свободного распространения в России «литовских» печатных и рукописных книг, в результате которой русское образованное население почти на целое пятилетие лишилось легального доступа к памятникам кириллической письменности Речи Посполитой.

По сию пору в историографии господствует мнение о прямом влиянии на царя и патриарха, неожиданно превратившихся в беспощадных гонителей православной польско-литовской книжности, неблагоприятных отзывов местных начетчиков, освидетельствовавших богословские писания двух украинских теологов, – Лаврентия Зизания Густановского и Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, соответственно в январе и в начале ноября 1627 г. Свои выво-

¹ См.: Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 123–126; Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1987. С. 208–209, и др.

ды большинство исследователей основывали на анализе содержания совместных указов Михаила Федоровича и Филарета последних месяцев 1627 – февраля 1628 года. Первый был посвящен конфискации и сожжению сочинений Кирилла Транквиллиона с последующим запрещением торговать на территории страны любыми «литовскими» печатными изданиями и «письменными» кодексами, ввозимыми из-за рубежа. Историки датируют его обычно 1 декабря 1627 г. Второй, выпущенный в начале 1628 г., подробно описывал, по мнению ученых, процедуру изъятия произведений украинско-белорусской книжности не только из частных собраний городских и сельских жителей, но и из всех библиотек церквей и монастырей Московского государства.² При этом

² См.: Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 298–303; Г-в А. (А. П. Голубцов). Судьба «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого // ЧОЛДП. 1890. Вып. 1. С. 535–575; Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 101–102; Маслов С. И. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность: Опыт историко-литературной монографии. Киев, 1984. С. 172–177; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970. С. 71; Дзюба Е. Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским: Вторая половина XVI – первая половина XVII в. Киев, 1987. С. 96; Голенченко Г. Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. Мн., 1989. С. 92–93; Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 156–173; Она же. «Прения с Евангелием учительным» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого в русской богословской полемике XVII века // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2000. С. 185–193; Она же. «Книги литовской печати» в «спецхране» Московского Кремля // Славяноведение. 2002. № 2.

лишь немногие исследователи обратили внимание на существование еще более раннего, октябрьского, царского указа 1627 г. о воспрещении россиянам покупать «литовские» книги у иноземных «торговых людей». ³

Новый свет на историю законодательного преследования властями Московии единой письменности Речи Посполитой во второй половине 20 – Х гг. XVII в. проливают делопроизводственные материалы средневековых архивов Оружейной палаты, Посольского, Разрядного и Сибирского приказов, изучению которых и посвящена настоящая книга.

Появление этого исследования не было бы возможно без благожелательного участия коллег «по цеху», сделавших немало ценных замечаний во время обсуждения отдельных его разделов на заседании семинара «Социально-политическая и культурная история России XII–XVIII веков» (РГА-ДА), а также в многочисленных личных беседах. Поэтому автор считает своей приятной обязанностью выразить искреннюю благодарность за помощь и поддержку А. А. Турилову, Б. Н. Флоре, В. Г. Ченцовой, Ю. М. Эскину, Б. Л. Фонкичу,

С. 140–148; Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 45–46; Bushkovitch P. Religion & Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.Y.; Oxford, 1992. P. 53, и др. Ср.: Uspensky B. A. The Schism and Cultural Conflict in the Seventeenth Century // Seeking God: The Recovery of Religious Identity of Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia. DeKalb, 1993. P. 110.

³ См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 103—ИЗ; Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника. М., 1981. С. 144–145.

В.В.Калугину, А.В.Лаврентьеву, С.Н.Кистереву, Л.А.Тимошиной, А.В.Антонову, А. В.Малову, О. А. Курбатову, протодиакону А. Агейкину (РПЦ). Отдельная благодарность моей жене А. К. Булычевой, на чью долю выпало быть первым нелюбимым читателем данной работы.

1. Законодательные акты конца 20-х – начала 30-х гг. XVII в О запрещении свободного распространения украинских и белорусских книг в России

В конце XVI – первой четверти XVII столетий «литовские» печатные издания и рукописные кодексы совершенно беспрепятственно распространялись на территории Московского государства.⁴ Ситуация радикально изменилась осенью 1626 г., когда царский указ в Путивль воеводам стольнику Б. М. Нагово (Нагому) и П. Н. Бунакову фактически ввел практику принудительной высылки за пределы страны книготорговцев из Речи Посполитой после досмотра их книжного «скарба» в российской столице. Формальным поводом для его принятия послужил прецедент, созданный во второй половине августа – сентябре теми же путивльскими администраторами, которые сначала задержали, а затем препроводили в Москву киевлян Матюшку Григорьева и Сеньку Се-

⁴ См.: Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника... С. 142–143; Голенченко Г. Я. Идеи и культурные связи... С. 88–89. Ср.: Опарина Т. А. Иван Наседка... С. 36.

ливанова вместе со всеми обнаруженными у них книгами.⁵ Среди отобранных у «торговых людей» изданий имелись экземпляры Анфологиона (1619 г.), «Слова на латинов» Максима Грека (около 1620 г.), «Бесед на 14 посланий святого апостола Павла» (1623 г.) и «Бесед на „Деяния святых апостол"» (1624 г.) Иоанна Златоуста, Акафистов (1625 г.), отпечатанные в типографии Киево-Печерской лавры. В их число входило и «Учительное Евангелие», изданное, вероятно, в Рохманове в 1619 г.⁶

Судя по перечню книг, изъятых у М. Григорьева и С. Селиванова, это была рядовая для тех лет торговая партия украинских изданий, часть из которых ранее не только подносилась киевским первоиерархом царю Михаилу и патриарху Филарету в подарок, но и охотно теми принималась без каких-либо явных «прещений».⁷ Тем не менее осенью

⁵ Я. Д. Исаевич, датировавший почему-то это событие 1625 г., описал его как казус, отражавший настороженность московских властей к украинско-белорусской книжности во второй половине 1620-х гг. Причину появления таких настроений у правящей элиты исследователь предлагал искать во внутренних социальных противоречиях русского общества (Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника... С. 144).

⁶ В сентябре 1626 г. имя автора рохмановского Учительного Евангелия, Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, еще не приобрело в России громкой скандальной известности. Кроме того, книготорговцы вполне могли привезти и другое одноименное произведение (Евье, 1616 г.), принадлежавшее перу константинопольского патриарха Иоанна IX Агапита (ГонисД. Цариградский патриарх Калист I и «Учительного Евангелие» // *Palaeobulgarica*. 1982. № 2. С. 52–53).

⁷ См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 102; Опарина Т. А. Иван Наседка... С. 156.

1626 г. все эти книги вызвали недоверие у столичных цензоров, отчего продавцам поневоле пришлось вернуться к себе на родину в Речь Посполитую со всем привезенным товаром, без барыша.

Осенний указ 1626 г. упоминался во вступлении к более поздней грамоте из Государева Разряда в Вязьму воеводам, стольнику князю В. П. Ахамашукову-Черкасскому и Д. А. Замыцкому, и дьяку М. Сомову, составленной, по-видимому, между сентябрем – началом октября 1627 г. (документ № 1).⁸ Такую датировку указной грамоты, от текста которой сохранилась лишь преамбула, можно аргументировать следующими соображениями. Во-первых, описание коллизии, сопровождавшей появление правительственного постановления осени 1626 г., снабжено пояснением: «в прошлом во 135-м году», что убедительно свидетельствует о времени составления самого документа после означенного года. А во-вторых, во введении к аналогичному приказному акту с изложением октябрьского царского указа 1627 г. сделана прямая ссылка на предшествующее распоряжение московского монарха, очевидно, близко совпадавшее с ним по содержанию: «И те книги из Киева и из иных из литовских городов

⁸ Кн. В. П. Ахамашуков-Черкасский и Д. А. Замыцкий находились на воеводстве в Вязьме с 1626 по 1627/28 гг., а дьяк М. Сомов получил назначение в местную приказную избу 17 ноября 1626 г. Упоминаемые в указной грамоте Б. М. Нагой и П. Н. Бунаков служили воеводами в Путивле в 1626–1627 гг. (Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 188).

мимо твой государев указ торговые люди привозят в Путивль и в иные города и продают для смуты всяким людем».⁹ Иными словами, выпущенный в конце августа – сентябре 1626 г. первый законодательный памятник с его относительно мягкими условиями депортации иноземных книготорговцев создал столь необходимый для начала полномасштабной кампании юридический прецедент. Изданный почти год спустя, в сентябре 1627 г., второй подобный акт, преамбулу которого сохранила грамота, отправленная из Разрядного приказа вяземским воеводам, представлял собой, скорее всего, документ более «общего» характера, запрещавший ввозить на территорию Московии какие бы то ни было украинско-белорусские издания и рукописи для сбыта их на внутреннем книжном рынке. Похоже, что именно его имели в виду авторы октябрьского постановления правительства, упоминая предшествующий «государев указ» о запрещении воеводам приграничных городов пропускать через рубежи Русского государства негоциантов с «литовскими» печатными изданиями и «письменными» кодексами.

Практика принудительной высылки иностранцев, привозивших на продажу в Россию украинские или белорусские книги, получила свое дальнейшее развитие в новом законодательном акте, выпущенном от имени московского самодержца, вероятно, в октябре того же 1627 г. По нему провин-

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 589. Л. 279; Там же. Д. 38. Л. 126.

циальным администраторам вменялось в обязанность следить за строгим соблюдением вводимого для населения запрета покупать «заповедные» издания и кодексы у купцов из Литвы не только внутри страны, но и за ее рубежами. Понятно, что это постановление касалось главным образом русских «торговых людей», нередко доставлявших из-за границы партии книг «литовской печати», вполне сопоставимые по своим объемам с поставками их украинских и белорусских коллег. О том, как оно претворялось в жизнь, поведал один из пострадавших отечественных книготорговцев, посадский человек Кирилка Савостьянов: путивльские воеводы заставили его вывезти обратно в Речь Посполитую все приобретенные там издания, предложив организовать их продажу уже за пределами России.¹⁰ Тех же иноземных negociантов, кто осмелился бы нарушить царский указ прямо в его владениях, ожидала немедленная депортация со всем товаром назад в Польско-Литовскую державу.

Во вступительной части октябрьского указа жесткие ограничения торговли произведениями единой украинской и белорусской книжности мотивировались известием о переходе в унию талантливое полемика и богослова Кирилла Ставровецкого, который после своего отпадения от православия «в Учительные Евангилья и в ыные книги ли-

¹⁰ Краткое изложение показаний К. Савостьянова сохранилось в тексте позднейшей указной грамоты рыльскому воеводе кн. О. И. Щербатову, отправленной из Разряда в декабре 1630 г. и опубликованной в настоящей работе (документ № 8).

товские печати... многие латынские ереси вводит тайно».¹¹ Откровенно преувеличенные обвинения в его адрес появились в грамотах с текстом указа, очевидно, под воздействием резко отрицательного отзыва переяславского никитского игумена Афанасия Китайчича о личности автора и содержании рохмановского Учительного Евангелия, сделанного в специальном челобитье царю и патриарху в начале октября 1627 г.¹² Любопытно, что Афанасий, критикуя сочинение Транквиллиона, ссылаясь, в частности, на факт его осуждения священноначалием Киевской митрополии на Соборе 1625 г. Для выходца из Речи Посполитой, к коим принадлежал никитский настоятель, подобная апелляция была вполне естественной, однако вряд ли можно согласиться с

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 126. Примечательно, что ни в октябрьском, ни в последующих указах «великих государей», выпущенных в ходе «антилитовской» кампании, совсем не упоминалось имя автора Большого Катехизиса Лаврентия Зизания Тустановского. Подобную сдержанность московских властей по отношению к украинскому книжнику, чье сочинение вызвало резко негативный отзыв цензоров, очевидно, можно объяснить сугубо прагматическими соображениями. Поскольку его Катехизис был напечатан в Москве, но так и не покинул стен государственной типографии, правительство не испытывало практической надобности в издании каких-либо специальных публичных актов для запрещения свободного распространения этой «опальной» книги или уничтожения всего ее тиража. Подробнее о публикации Большого Катехизиса Лаврентия Зизания на Печатном дворе 29 января 1627 г. см.: Поздеева И. В. Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. Первая половина XVII в. // В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод, рекомендации. М., 1986. № 32. С. 27.

¹² См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 111.

широко распространенным в отечественной историографии мнением об авторитетности этого соборного постановления для справщиков Печатного двора в Москве.¹³ В деяниях архиерейского собора, *созванного в одной из епархий Константинопольского патриархата*, сборник проповедей Кирилла Ставровецкого объявлялся неправославным произведением, которое «никому от... благочестивых христиан ни в церквах, ни в домех не держати, не чести, ни покупати». Несмотря на всю прагматическую выгодность такой негативной оценки рохмановского Учительного Евангелия для патриарха Филарета Никитича или работников государственной типографии, оно не имело ни канонической, ни юридической силы не только для духовенства и мирян автокефальной Русской церкви, но и для епископата и паствы других епархий Цареградской патриархии. Иными словами, московские цензоры произведения Транквиллиона, безусловно, должны были оценить удобство вердикта Киевского архиерейского собора 1625 г., существенно упрощавшего поставленную перед ними задачу, однако они явно не воспринимали его решения для себя обязательными и, тем более, авторитетными.

Для иностранных «торговых людей» этот указ предусматривал совершенно другое, абсолютно деидеологизированное, объяснение вводимых санкций: воеводы порубежных городов обязаны были убеждать приезжих купцов, что в

¹³ Ср., например: Опарина Т.А. Иван Наседка... С. 163–167; Она же. «Книги литовской печати»... С. 141, и др.

«Московском государстве всяких книг много московские печати» и именно поэтому предлагаемый ими товар в России ненадобен.¹⁴

Обоснования учреждаемых октябрьским законодательным актом запретительных мер в обоих случаях не выдерживают сколько-нибудь беспристрастной научной критики. Так, религиозная измена заурядного иеромонаха, чье реальное влияние на дела киевской кафедры оставалось ничтожным вплоть до момента его присоединения к унии,¹⁵ вряд ли могла явиться действительной причиной введения столь строгих ограничений в торговле с соседней страной. Похоже, что и духовные и светские власти в Москве, отлично осведомленные обо всех по-настоящему авторитетных лидерах православной церкви в Литве, явно лукавили, наделяя Транквиллиона способностью «портить» издания целой митрополии, которая к тому же стала для него, униатского архимандрита, отныне совсем чужой. Наконец, не менее фантастической выглядела правительственная декларация о полном обеспечении внутреннего книжного рынка продукцией единственной в ту пору русской типографии – столичного Печатного двора.¹⁶

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 9. Столпик 4. Л. 93. Ср.: Там же. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 127.

¹⁵ Несмотря на репутацию талантливого проповедника и писателя, и даже некоторую известность в весьма узком кругу украинских интеллектуалов той поры. Ср.: Маслов С. И. Кирилл Транквиллион Ставровецкий... С. 65–66, 69.

¹⁶ Подробнее о репертуаре изданий московского Печатного двора с 1614 по

Положения царского указа октября 1627 г. известны ныне только по его пересказам в отписках провинциальных воевод о получении на местах грамот из Разряда. Подробное изложение нормативной части этого памятника встречается в одной из самых ранних воеводских отписок об исполнении его предписаний, отправленной в Разрядный приказ из Великих Лук стольником В. А. Третьяковым-Головиным с местным сыном боярским С. Костюриным, которую тот и доставил в Москву 27 ноября 1627 г. (документ № 2).¹⁷ Текст преамбулы октябрьской указной грамоты, опущенный при составлении ответного документа в Великолуцкой приказной избе, читается в позднейшей отписке торопецкого воеводы стольника князя В. Г. Ромодановского и подьячего Д. Алексеева от 9 февраля 1628 г.¹⁸

1627 г. включительно см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 26–35; Лукьянова Е. В., Горбунова Л. Н. Московские кирилловские издания XVI–XVII вв. в собраниях РГАДА: Каталог. Вып. 1. М., 1996. С. 94–154; Лукьянова Е. В., Горбунова Л. Н., Булычев А. А. Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: Каталог. Вып. 2. М., 2002. С. 10–21, 297, 313–314. Ср.: Поздеева И. В. Новые материалы... С. 21–28.

¹⁷ Стольник В. А. Третьяков-Головин был на воеводстве в Великих Луках в 1626–1628 гг. По-видимому, дата 4 июня 1626 г., указанная в отписке В. А. Третьякова, сообщает точное время вступления его в должность главы великолуцкой администрации по прибытии к месту службы и приема города от своего предшественника (Барсуков А. П. Списки городовых воевод... С. 129).

¹⁸ См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 126. Кн. В. Г. Ромодановский был на воеводстве в Торопце с 1626 по 11 февраля 1628 г.; Д. Алексеев служил в местной приказной избе сначала подьячим, а затем дьяком в

Монарший указ октября 1627 г. предоставил в распоряжение правительства весьма эффективный правовой механизм полного прекращения легальных поставок на территорию Российской державы «литовских» книг из Речи Посполитой. В середине ноября августейшие соправители – Михаил Федорович и Филарет Никитич – приступили к созданию аналогичного законодательного инструмента для окончательного пресечения свободного распространения украинско-белорусских печатных изданий и «письменных» кодексов внутри страны. Причем проблема состояла не только в ликвидации торговли в Московии «заповедными» книгами, ввезенными на ее территорию до выхода осенних запретительных актов 1627 г., но и в подготовке массовой конфискации таких изданий и рукописей у населения и духовных корпораций. Наиболее подходящей юридической формой для проведения этой беспрецедентной акции стал совместный указ московских самодержца и первосвященника,¹⁹

1625–1629 гг. (Барсуков А. П. Списки городских воевод... С. 247; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 16).

¹⁹ В период фактического соправления в Московском государстве царя Михаила и его отца «по плоти», патриарха Филарета, все законодательные акты выпускались ими сообща, отчего деление их на монаршие и совместные в известном смысле условно и относится скорее к формуляру указных грамот, рассылаемых на места из столичных приказов. Если царские указы адресовались, как правило, исключительно светским подданным, то совместные постановления обычно направлялись также и духовенству или же содержали угрозу применения, помимо гражданского, еще и церковного наказания за его неисполнение. (Выражаю искреннюю признательность С. Н. Кистереву и Л. А. Тимошиной за подробную консультацию по данной проблеме.)

учитывавший нюансы средневекового права с его довольно широким судебным иммунитетом и, главное, имущественной независимостью Церкви от «градских» властей.²⁰

Первый по времени такой законодательный акт предписывал провести повсеместное изъятие и вслед за тем принародное сожжение сочинений Кирилла Ставровецкого с запрещением подданным впредь торговать «литовскими» книгами на всем пространстве обширного Русского царства. Нарушителей, утаивших издания «Кирилова слогу», а также замеченных в продаже или покупке украинско-белорусских книг, ожидало суровое «великое градское наказание» – бичевание кнутом и церковное проклятие. Отписки о получении на местах указных грамот с подробным описанием своих действий по их исполнению воеводы обязаны были направлять на Патриарший Двор (на самом деле – в Патриарший

²⁰ См., например: «От свитка божественных новых заповедей, иже в божественном наследии царя Иустиниана различны заповеди...» (ст. 13; 56) // Кормчая. М., 1653. Л. 301 об., 303 об., 311–312 об., 325 об. (2-й фолиации); Стоглав // Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 343–356. Ср.: Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. [Ч. 1]. Варшава, 1931. С. 262. По каноническому праву прерогатива свободно распоряжаться церковным имуществом присваивалась исключительно епископам, а отнюдь не гражданским властям, не исключая и самого венценосца. Ср.: 38-е и 41-е Апостольские правила, 12-й канон VII Никейского Вселенского собора, а также 2-е правило из Канонического послания Кирилла, архиепископа Александрийского, к Домну, патриарху Антиохийскому, и др. (Правила святых Апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных, и святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 72–75, 79–81, 832–853; Правила святых Отец с толкованиями. М., 1884. С. 567–569).

Разряд) боярину князю А. В. Хилкову и дьякам Ф. Рагозину и Г. Леонтьеву.²¹ Туда же следовало отсылать и специальные именные росписи лиц, хранивших по домам произведения Транквиллиона.

Содержание первого совместного указа царя и первосвященника знакомо большинству исследователей по его пересказу в грамоте из Приказа Казанского дворца верхотурскому воеводе князю С. Н. Гагарину и подьячему П. Максимову от 1 декабря 1627 г.²² Единственная на сегодня публикация этого интересного документа, выполненная еще в 1820-х гг., к сожалению, изобилует погрешностями при передаче текста.²³ Более того, ошибочно приняв рядовой приказной акт за какую-то особую «окружную грамоту», археографы первой четверти XIX в. невольно способствовали неоднократным попыткам представить в позднейшей историографии его датировку в качестве даты судебного разбирательства указа в Думе.²⁴

Уточнить время, когда было принято данное постановление царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета,

²¹ О совместной службе в 1627/28 г. кн. А. В. Хилкова, дьяков Ф. Рагозина и Г. Леонтьева в Патриаршем Разряде см.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 102.

²² Ср.: Гурьянова Н. С., Элертп А. Х., РезунД. Я. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг. Новосибирск, 1993. Т. 1. № 126. С. 26. Скрепил грамоту с текстом указа дьяк И. И. Болотников, «сидевший» в Приказе Казанского дворца с 1621 по 1631/32 г. (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... С. 62).

²³ См.: СГГД. М., 1822. Ч. 3. № 77. С. 298–299.

²⁴ См., например: Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника... С. 145.

определившее дальнейшую судьбу «литовской» православной книжности в России, позволяет находка в архиве Оружейной палаты комплекса делопроизводственных материалов Владимирской и Галицкой четвертей. Благодаря обнаруженным документам можно проследить изменения текстовой формы указа едва ли не с момента его записи со слов «великих государей» в Боярской думе и до дня отправки из территориальных приказов грамот по городам с лаконически точным изложением составленного в Разряде исходного текста.²⁵

Наиболее раннюю редакцию этого законодательного акта, явно восходившую к первоначальной записи судебного решения, отразила подлинная память²⁶ из Разрядного приказа дьяку Г. П. Золотареву во Владимирскую и Галицкую четверти о посылке в подведомственные города указных грамот с его пересказом. «Приписана» она была вторым дьяком Государева Разряда М. Ф. Даниловым 25 ноября 1627 г. (документ № 3).²⁷ Судя по датировке приказного документа, непосред-

²⁵ См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1468. Л. 1–9. Подробнее об использовании русскими самодержцами Разряда в качестве своеобразной канцелярии-посредника между собой и другими центральными приказами в делах общегосударственного значения см.: Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919. С. 410.

²⁶ Память – вид делопроизводственного документа, использовавшегося центральными приказами XVI–XVII вв. для официальной переписки между собой.

²⁷ Дьяк Г. П. Золотарев служил одновременно во Владимирском и Галицком четвертных приказах в 1626–1631 гг., а его коллега М. Ф. Данилов состоял в разрядных дьяках с 1615 по 1634 г. (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... С.

ственное принятие самого указа могло состояться в Думе не позднее второй декады ноября.²⁸

Предписание разрядной памяти Г. П. Золотарев выполнил в конце ноября – декабре 1627 г., когда в подначальных ему учреждениях завершилась работа над указными грамотами во Владимир и Коломну, тексты которых послужили образцом для аналогичных им актов, разосланных в провинцию. В них под пером столичных бюрократов исходная запись указа «великих государей», сделанная в Разряде, обрела законченную форму приказного документа, уже вполне пригодного для распространения по российским городам.

Черновой отпуск указной грамоты во Владимир воеводе К. Н. Волкову и подьячему С. Дохтурову «писан на Москве» в одноименном четвертном приказе 30 ноября 1627 г. (документ № 4).²⁹ В делопроизводственной приписке к основному тексту памятника сообщалось, что подобные акты были отправлены из Владимирской чети еще в двенадцать других городов: «во Тверь, в Торжок, на Тулу, в Переславль, в Зараской, в Торусу, в Путивль, в Рылеск, Воротынеск, в Колугу, на Волуйки, в Боровеск». Позднее запись о посылке документа в Тарусу по неясной причине оказалась вычеркнута из этой приписки.

142, 198; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века... С. 145).

²⁸ Ср.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 111. Примеч. 4.

²⁹ К. Н. Волков находился на воеводстве во Владимире с февраля 1626 г., а подьячий С. Дохтуров возглавлял местную приказную избу с октября того же года (Барсуков А. П. Списки городских воевод... С. 45).

Второй черновой отпущк подобной грамоты, адресованной властям Коломны, приказные дельцы Галицкой четверти составили в декабре 1627 г.³⁰ В отличие от предыдущей рукописи, текст настоящего акта сохранился не полностью: в его начале утрачен примерно один столбцовый лист. Как следует из поздней делопроизводственной приписки к документу, сходные по содержанию указные грамоты направлялись из Галицкой чети, помимо Коломны, «во Брянск, в Карачев, во Мценск, в Белев».³¹

Воеводские отписки о выполнении на местах распоряжений ноябрьского указа ясно доказывают существование двух, отличных друг от друга, видов приказных актов, отсылавшихся из столичных приказов по городам в последней декаде ноября – декабре того же года.

В первом случае такой документ извещал местных администраторов о только что принятом совместном постановлении московских самодержца и патриарха середины ноября месяца. Кроме обнаруженных ныне указных грамот Владимирской и Галицкой четвертных приказов, аналогичный юридический акт был направлен 30 ноября 1627 г. из Казанского Дворца в Тобольск воеводам князю А. А. Хованскому и И. В. Щепину-Волынскому, дьякам И. Федорову и С.

³⁰ В черновом тексте коломенской грамоты не указан день ее написания в приказе (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1468. Л. 7–9).

³¹ Там же. Л. 9.

Угоцкому.³² Грамоты этого типа рассылались центральными ведомствами Российской державы в течение еще довольно продолжительного времени: одну из них великолуцкии воевода В. А. Третьяков-Головин получил из Государева Разряда лишь 25 декабря того же года.³³

Разрядные записи, наряду с воеводскими отписками с мест о получении грамот первого, вполне обычного, образца, сберегли для науки бесценные свидетельства практического применения положений ноябрьского указа 1627 г. в повседневной жизни обширной державы. Так, 4 декабря в Москве прошло показательное аутодафе сочинений Кирилла Ставровецкого: рукой столичного дворянина Г. И. Горихвостова³⁴ были сожжены «на пожаре» шестьдесят экземпляров рохмановского Учительного Евангелия за обнаруженные в нем «хульные и мерзские слова» и «еретичество» самого ав-

³² См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Столбцы Сибирского приказа. Д. 13. Л. 37–40. «Приписал» грамоту в Тобольск дьяк Приказа Казанского дворца И. И. Болотников. Кн. А. А. Хованский вместе с дьяками И. Федоровым и С. Угоцким были на воеводстве в Тобольске в 1626–1628 гг.; И. В. Щепин-Волынский отправлял там должность воеводы с января 1627 по 1628 г. (Барсуков А. П. Списки городских воевод... С. 236).

³³ Содержание приказного акта, посланного из Разряда в Великие Луки, известно по отписке стольника Головина от 28 января 1628 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 132–137).

³⁴ См.: Боярская книга 1627 года. М., 1986. С. 81. Вызывает недоумение попытка Т. А. Опариной отождествить его с дьяком Патриаршего Дворцового приказа Г. Ивановым (Опарина Т. А. Иван Наседка... С. 167, 316. Примеч. 79).

тора.³⁵ В том же месяце все найденные книги «Кирилова слогу» предали огню у себя в городах воеводы Верхотурья³⁶ и Тобольска.³⁷ Костры из писаний «крамольного» украинского теолога, несомненно, пылали в ту пору в каждом уездном центре России, где только местным властям удавалось отыскать его произведения.³⁸

В другом случае городовым воеводам присылались из столицы грамоты несколько иного содержания: изложение ноябрьского указа в них было дополнено подробным переска-

³⁵ См.: Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II Отделением собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 821–822. По-видимому, в Москве обязательной конфискации из церковных и частных библиотек подлежали лишь сочинения Кирилла Транквилиона, напечатанные в «друкарнях» Литвы. Все другие украинско-белорусские издания, судя по перечню выморочного движимого имущества казначея П. И. Волинского ("1"1641 г.), оставались в полном распоряжении своих владельцев-москвичей на протяжении всего периода гонений на кириллическую книжность Речи Посполитой (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Вологде. Д. 38194. Лл. без фолиации. Напечатан: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2003. Т. 3. № 568. С. 497–498. Выражаю признательность А. В. Антонову, любезно ukazавшему на этот документ еще до его публикации).

³⁶ См.: Шишонков В. Пермская летопись: Второй период 1613 по 1645 г. Пермь, 1882. С. 276.

³⁷ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 27. Ср. примеч. 21.

³⁸ Ср.: Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника... С. 145. Об указных грамотах с текстом первого совместного постановления «великих государей», отправленных в другие города, см.: Опарина Т. А. «Книги литовской печати»... С. 147. Примеч. 7.

зом предшествовавшего ему правительственного распоряжения, выпущенного в октябре того же года. Причем одно из главных требований законодательного акта середины ноября 1627 г. – проведение повальной конфискации исключительно книг Транквиллиона – в «объединенных» указных грамотах уже распространялось на все украинско-белорусские печатные издания безотносительно времени их выхода. Отныне провинциальным администраторам надлежало «заказ крепкой учинити, чтоб однолично литовские печати никаких книг Кирилова слогу никто у себя не держал, опричь московские печати». ³⁹ Столь очевидное расширение сферы применения ноябрьского постановления «великих государей» позволяет говорить о введении совершенно новой юридической нормы, которая могла быть принята лишь в следующем совместном указе. Его текст и передавали грамоты такого нетрадиционного вида. Предназначалось данное постановление, вероятно, для рассылки воеводам порубежных с Речью Посполитой городов, где издавна велась крупная приграничная торговля. Помимо Москвы, это был, пожалуй, единственный регион страны, куда местные и ино-

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 129. В данном контексте под изданиями «Кирилова слогу» следует понимать все без исключения книги «литовской печати»: использование столь необычного эвфемизма было явно навеяно преамбулой царского указа первой половины октября – ноября 1627 г., в которой Кирилл Ставровецкий обвинялся в тайной «порче» едва ли не абсолютно всех памятников украинско-белорусской кириллической книжности (документ № 6).

земные купцы регулярно привозили на продажу весьма значительные партии украинских и белорусских печатных изданий, отчего опыт проведения их массового изъятия у тамошних владельцев заведомо предполагал его завершение с ощутимым положительным результатом. Неудивительно, что в декабре судьи Разрядного приказа направили «объединенные» указные грамоты с текстом нового законодательного постановления именно в Путивль и Торопец.⁴⁰ Этот второй совместный указ Михаила Федоровича и Филарета, по видимому, следует датировать концом ноября – самым началом декабря 1627 г.

Отписку торопецкого воеводы князя В. Г. Ромодановского и подьячего Д. Алексеева о мерах, предпринятых ими по получении приказного акта с его изложением, местный сын боярский П. Башеев доставил в Разряд 9 февраля 1628 г. В ней администрация Торопца извещала столичные власти о тщетности своих поисков в книжных собраниях городских жителей, а также церковных и монастырских библиотеках не только сочинений Кирилла Ставровецкого, но и любых других «литовских» изданий. Текст документа, напечатанный в 1890 г. сотрудниками Н. А. Попова с множеством произвольных купюр и серьезным поновлением языка, переиз-

⁴⁰ Характерно, что кроме «объединенной» указной грамоты торопецким властям был прислан из Государева Разряда в октябре еще и обычный приказной акт с пересказом положений последнего на то время распоряжения правительства о запрете внешней торговли украинско-белорусскими книгами (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 126).

дан в настоящей работе в полном согласии с требованиями современной актовой археографии к публикации законодательных памятников второй половины XVI–XVII столетий (документ № 6).⁴¹

Совсем иными оказались последствия посылки «объединенной» указной грамоты в Путивль. В отписке, присланной оттуда в Разрядный приказ 9 января 1628 г., воеводы князь С. В. Прозоровский и А. И. Толбузин доносили в Москву о сожжении обнаруженных в городе нескольких экземпляров рохмановского Учительного Евангелия Транквиллиона.⁴² Кроме того, они уведомили судей Государева Разряда об успешно проведенной на посаде, в церквах и монашеских обителях Путивля массовой конфискации всех иных «сысканных» украинско-белорусских печатных книг, вне зависимости от их авторства, места или времени выхода.

Только в библиотеке единственного городского монастыря – Молчанской (Молчевской) Печерской обители – князь Прозоровский «с товарищи» нашли и изъяли приблизительно одиннадцать экземпляров таких изданий.⁴³ В представ-

⁴¹ См.: АМГ. СПб., 1890. Т. 1. № 201. С. 224–225.

⁴² Содержание отписки путивльских воевод от 9 января 1628 г. известно ныне лишь по ее краткому пересказу в поздней памяти из Государева Разряда в Приказ Большого двorca о судьбе изъятых в Молчанском монастыре «литовских» книг, составленной в сентябре 1638 г. (документ № 9). Кн. С. В. Прозоровский и А. И. Толбузин служили воеводами в Путивле с августа 1627 по 1629 г. (Барсуков А. П. Списки городских воевод... С. 188–189).

⁴³ Молчанский игумен Варлаам в челобитье, поданном в Приказ Большого

ленном в Разрядный приказ списке конфискованных книг путивльские воеводы особо выделили издания «виленской», «киевской» и «старой» печати. Так, «Евангилье напрестольное виленской печати в десть», очевидно, представляло собой последнюю перед 1627 г. публикацию Евангелия-тетр «литовских» типографов Луки и Козьмы Мамоничей (Вильно, 1600 г.).⁴⁴ Поэтому логично было бы предположить, что составители воеводского перечня отнесли к изданиям «старой печати» исключительно украинские и белорусские «стародруки» XVI в., выпущенные до 1600 г. в таком случае, получив второй совместный указ царя и патриарха в декабре 1627 г., власти Путивля изъяли из книгохранилища Молчанского монастыря изданное первопечатниками Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем Учительное Евангелие Иоанна Агапита (Заблудов, 1569 г.),⁴⁵ а также Служебник (Виль-

дворца летом 1638 г., настаивал на факте конфискации из книгохранилища своей обители в декабре 1627 г. вместе с Минеей общей, выпущенной в 1628 г. (?!), не одного, а двух Анфологионов 1619 г. «киевской печати» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 460. Л. 19. Подробнее о возобновлении Молчанского Печерского монастыря после Смуты см.: Там же. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 27. Л. 392–408; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. № 933–934. С. 207–208).

⁴⁴ См.: Галенчанка Г. Я. і паі. Кішга Беларуа 1517–1917: Зводны каталог. Мн., 1986. С. 79–99.

⁴⁵ В библиографии известны три виленских издания XVI в. Учительного Евангелия Иоанна Агапита: ок. 1580 и два 1595 г. Упомянутое же в путивльской росписи «Евангилье толковое старой литовской печати» было, скорее всего, опубликовано не в Вильно, а в каком-нибудь другом городе или местечке Вели-

но, либо 1583 г., либо около 1598 г.),⁴⁶ Анфологион (Киев, 1619 г.), «На Отче наш выклад» Иоанна Златоуста (Вильно, 1620 г.), Псалтирь (Киев, 1624 г.), Псалтирь учебную (Вильно, 1627 г.) и неизвестно где, когда и кем опубликованные «два Апостола печатные ветхие в десть».⁴⁷

кого княжества Литовского. В XVI столетии, помимо Вильно, оно вышло лишь из-под станка первопечатников Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в Заблудове в 1569 г. (Там же. № 6,11, 30–31. С. 57, 60, 69–70).

⁴⁶ См.: Там же. № 14, 52. С. 62, 78. Самый ранний украинский печатный Служебник был выпущен стрятинской типографией львовского епископа Гедеона Балабана в 1604 г. (Запаско Я. П., Ісаевич Я. Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародружов, виданих на Укра'шнь Львів, 1981. Кн. 1. № 65. С. 33).

⁴⁷ Кроме того, в том же монастыре были конфискованы «два Часослова киевской печати», которые могли оказаться как изданиями, выпущенными лаврской типографией ок. 1616 г., так и одноименными книгами, напечатанными в частной «друкарне» Тимофея Вербицкого в 1625 и в 1626 гг. (Там же. Кн. 1. № 122,148,151. С. 39–40, 43–44).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.